

В 1837 г. в Нью-Орлеане в южном американском штате Луизиана, в семье судьи Морфи родился мальчик. Его назвали Пол, в честь святого апостола Павла, поскольку его мать была примерной и набожной прихожанкой, а судья Морфи был человеком неверующим.

В детстве Пол Морфи отличался от своих сверстников: у него была изумительная память – он мог запомнить слово в слово несколько страниц любого учебника. Да что там страниц! Он мог выучить всю книгу! Благодаря своим способностям Пол быстро научился играть в шахматы, и эта игра стала для него главным занятием на многие годы, но не на всю жизнь...

Этот маленький мальчик легко обыгрывал в шахматы одного за другим взрослых и почтенных игроков, которым становилось стыдно оттого, что у них играет малыш. Но так как маленький Пол выигрывал у любого соперника, то вскоре они перестали стыдиться, а стали восхищаться его талантом.

Мать Пола не слишком-то радовалась успехам сына, считая игру в шахматы такой же греховной, как и карточную игру. Может быть, она была права, потому что время само сыграло с Полом Морфи странно и злую шутку...

За шахматными победами Морфи в Америке последовала его поездка в Европу, где Пол, уже повзрослевший, выигрывал партию за партией, партию за партией... И только лучший игрок своего времени, англичанин Говард Стаунтон, понимая шахматную силу Морфи, всячески уклонялся от встречи с ним. Он организовал в газетах несколько неприятных статей об американском шахматисте и всё время переносил сроки матча, и в результате так и не сыграл с Полом ни одной партии. А Пол тем временем обыгрывал всех. Больше того, он обыгрывал всех и играя вслепую сразу на 8 досках. Сейчас такими штуками никого не удивишь, но тогда игра вслепую казалась сродни ярмарочным фокусам. Однако когда Пол вернулся домой, его

Болезни великих

Шахматный блюз

Сумасшедший гений Пол Морфи, родившийся 175 лет назад, учит нас многому и сегодня

матушка была очень недовольна своим сыном в отличие от всех граждан Америки.

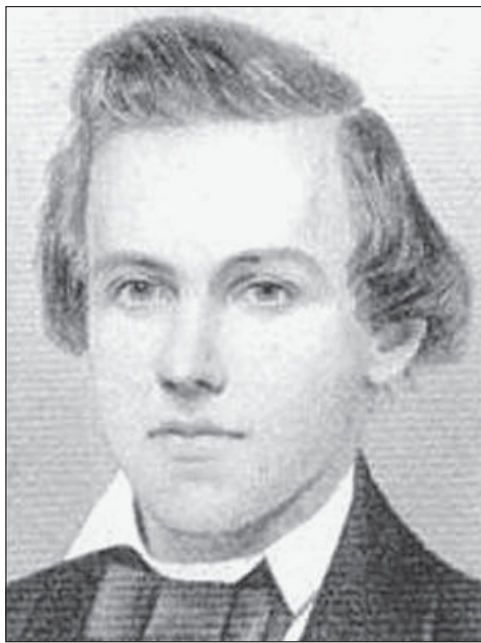
Пол перестал играть в шахматы, поскольку был примерным сыном и слушался свою матушку. Он открыл адвокатскую контору – Морфи не только играл в шахматы, но и хорошо учился и получил диплом юриста. Пол стал ждать клиентов, но никто не приходил к нему за советом. Люди словно забыли о нем.

В это время в США шла Гражданская война, после которой оказалось, что семья Морфи осталась почти без денег. Пол, которому, независимо от результата, еще недавно предлагали большие деньги только за то, что он снова просто сыграет несколько партий, оказался зависимым от родственников. Но он был послушным сыном и не играл на деньги, как и просила его матушка.

И вот тут-то и начались его беды. Сначала Пол начал считать себя больным. У него были на то основания. Старый судья Морфи умер от инсульта, а теперь и его сын стал жаловаться на головные боли, хотя ему еще не было и 30. Он поехал в Европу лечиться. И лечение ему помогло, хотя врачи и говорили, что такой лабильной нервной системы они прежде не видывали. Но и в Европе Пол не играл в шахматы: он был послушным сыном.

А когда молодой Морфи вернулся в Луизиану, многие стали замечать неладное. Он часами ходил по террасе своего дома взад-вперед и бормотал слова одной и той же детской песенки:

«Он водрузит
кастильские знамена
На главной башне
и на каждый дом,
И вновь отпрянет враг
ошеломленный,
И маленький король
отступит со стыдом...»

Пол словно превратился в шахматную фигуру, которая могла ходить только одним определенным образом и не могла покидать своих тропинок. Наверное, теперь ему было бы трудно пересекать пространство шахматной доски во время игры. Но он так и не играл в шахматы. Быть может, он боялся ходить по улицам города, потому что люди, в отличие от шахматных фигур, передвигались произвольно и непредсказуемо, нарушая все шахматные правила? Вот женщина, похожая на лошадь, но она почему-то двигается прямо, а со-

всем не буквой «L». А вот толстый полисмен, похожий на ладью, но он вдруг пересекает улицу наискосок, подобно шахматному слону. Вот группа черных фигур направляется к пристани: это несколько негров-грузчиков идут разгружать прибывший пароход, но все они двигаются одновременно, а не поочередно, как полагается в шахматах...

Пол Морфи вдруг словно оказался на шахматной доске, не имевшей черных и белых полей, на которой было непонятно, куда ходить: не было никаких ориентиров. Такой порядок, наверное, казался Полу неразумным, и он почти перестал выходить на улицы города, опасаясь открытых пространств.

Ученые доктора называли это агорофобией. Пол толстел, перестал интересоваться тем, что происходит вокруг него, а в один недобрый день Пол Морфи вдруг ни с того ни с сего заподозрил нескольких своих соседей в том, что они хотят его отравить. Он сказал сестре: «Хинкс и Биндер решили выкрасть мой гардероб и распродать его в розницу.

А для меня каждая пара брюк дороже жизни. Пожалуй, мне надо убить Биндера». Он выскочил из дома и бросился, вооруженный одной лишь тросточкой, в дом одного из своих мнимых недоброжелателей. Этот случай посчитали недоразумением, но всё же странности Пола вынудили родственников отправить его к психиатрам. Однако молодой Морфи оказался хитрее, чем врачи, недаром он был великим шахматистом и сумел не провести в больнице ни единого дня, убедив докторов в своем полном умственном здравии.

А спустя некоторое время Пол Морфи стал бояться, что недоброжелатели отравят его, и ел только то, что готовили и подавали ему матушка или сестра. Из всех продуктов он предпочитал яйца – это потому, что яйца труднее всего отравить. В его комнате всегда царил идеальный порядок, вот только вдоль стен почему-то стояли все 15 пар принадлежащей ему обуви. Он много читал и постепенно его любимым автором стал Джонатан Свифт, писавший о вероломных лилипутах, глупых обитателях летающего острова Лапуты и гнусных йеху. Окружавшие Пола люди хотели в уплату долгов продать старый дом, в котором он вырос. Может быть, они всё делали правильно, но Полу казалось, что эти йеху хотят сжечь дом со всеми его обитателями. Да так оно, в сущности, и было: ведь тот, кто расстается с воспоминаниями детства, теряет большую часть жизни. Морфи приказал сделать на всех окнах железные решетки, спал урывками и с пистолетом под подушкой...

В необыкновенно жаркий день 10 июля 1884 г. было назначено заседание суда по спорному вопросу о продаже дома. Но старый друг покойного отца Морфи судья Стронг посоветовал Полу не доводить дело до суда, потому что решение будет принято не в его пользу. Возвратившись домой, Морфи принял ледяную ванну, и тут-то его настиг инсульт, как и его отца. Так умер Пол Морфи, некоронованный шахматный король, бедный сумасшедший гений.

Игорь ЯКУШЕВ,
доцент Института
ментального здоровья.
Северный государственный
медицинский университет.

Душевное дело

В одном из московских клубов состоялась презентация нового CD-альбома известного исполнителя авторской песни кандидата медицинских наук Геворка Топчяна «Там же, где от лампочки круг».

Новый альбом – продолжение поиска новых форм любимых «авторских песен». Это всего лишь термин, поскольку всякая песня – авторская, она имеет своих авторов. Но речь идет о сочетании поэзии с хорошей музыкой и проникновенным исполнением. Идея Геворка Топчяна такова: в развитии авторской песни он стремится от гитарно-переборной формы к оркестровому звучанию. Именно так теперь звучат известные песни Булата Окуджавы, Александра Городницкого, Сергея Никитина, Александра Суханова, Евгения Клячкина и других авторов «золотого века» авторской песни.

– Очень гармонично звучат стихи, богатая оркестровка, ничего не перегружено, – сказал во время презентации о новом альбоме народный артист РФ Владимир Качан. – Даже грустные стихи звучат легко и проникновенно...

Ощущая гармонию

Новые формы для авторской песни предлагает московский врач

И целый вечер звучали песни в исполнении самого Геворка Топчяна и его гостей. А среди участников встречи были член-

корреспондент РАМН Елена Голухова, профессор Ольга Лайшева, главный врач Коломенского дома ребенка и бард Марина

Подвойская, врач и руководитель рок-группы Юрий Корепанов, руководитель рок-группы «Оптимальный вариант» и акустической группы «Пчела Бэнд» Олег Чилап, поэты Юрий Юрченко, Александр Вулых, коллеги Геворка Топчяна по отметившей недавно свое 30-летие группе «Дюжина» 2-го Московского медицинского института Светлана и Николай Игнатовы, Александр Родионов, Владимир Иванов, принимавшие непосредственное участие в записи диска музыканты Анатолий Шаров, Алексей Сенин, звукорежиссер Валерий Курылёв, художник Эрик Индигов, дизайнер Люба Данильцева.

– Я начинал врачебную деятельность как специалист по эндоваскулярной хирургии и интервенционной кардиологии, – рассказывает Геворк Топчян, – но постепенно начал

заниматься проектированием и строительством больниц и поликлиник, оснащением их медицинским оборудованием, стал экспертом в этой области. А гитара и песня для меня с детства – это гармоничный и очень естественный способ самовыражения. Поэтому с этим я никогда не расстаюсь. Я делаю музыкально-поэтические концертные программы, выступаю с акустическим камерным ансамблем музыкантов, в котором две гитары, контрабас, скрипка, аккордеон, перкуссия, иногда флейта и балалайка. А работа в студии дает возможность экспериментировать при записи, делая разные версии и дубли, выбирая лучшее.

Альберт ХИСАМОВ,
корр. «МГ».

НА СНИМКЕ: поэт Геворк Топчян.